УДК 903.27(571.55)

DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-6-15-27

Александр Васильевич Константинов,
Забайкальский государственный университет
 (г. Чита, Россия),
 e-mail: konstant1956@mail.ru

Ирина Александровна Пономарева,
Университет Гриффита
 (г. Голд Кост, Австралия),
 e-mail: irina.ponomareva@griffithuni.edu.au

Новая таёжная писаница Забайкалья: на перекрёстках времени и пространства

В статье впервые публикуются данные о новом памятнике наскального искусства – Имандан-Макит, расположенном в верховьях р. Нерчи (Забайкальский край, Тунгокоченский район). В рамках исследования проведены описание, фотографирование, GPS-привязка, оценка сохранности памятника. Документация этой писаницы А. В. Константиновым, а также недавние исследования наскального искусства в Забайкалье И. А. Пономаревой, позволяют по-новому взглянуть на своеобразное наскальное искусство таёжной зоны северного Забайкалья, которое культурно связано с прилегающими районами севера Амурской области и юга Якутии. Анализ изображений, представленных на писанице Имандан-Макит, позволил отнести памятник к периоду 4500–3500 л. н., когда в одних районах Восточной Сибири ещё были живы позднеолитические традиции, в то время как в других происходил переход к раннему бронзовому веку. В статье рассматривается историко-культурный контекст памятника, обсуждаются его связи с ближайшими ареалами наскального искусства в бассейнах р. Шилки, Олёкмы и Витима. Писаница находится в таёжном районе, малоизученном в археологическом отношении в силу удалённости и труднодоступности. Хотя памятник Имандан-Макит равноудалён от известных скоплений памятников наскального искусства бассейнов р. Олёкмы, Шилки и Витима, стилистика изображений обнаруживает больше сходства именно с писаницами Олёкмы. Несмотря на удалённость памятника, в древности регион северо-востока Забайкалья, севера Амурской области и юга Якутии был тесно связан контактами с остальными регионами Сибири, Центральной и Восточной Азии, о чём свидетельствуют сюжеты и образы, представленные на писанице Имандан-Макит. А. В. Константиновым была отмечена роль писаницы Имандан-Макит в современной культуре эвенков, обсуждение чего также представлено в статье. Сделан вывод о необходимости дальнейшего поиска и исследований наскального искусства таёжной зоны Забайкалья и сопредельных регионов.

Ключевые слова: писаница, наскальное искусство, памятники наскального искусства, наскальная живопись, лесная группа, Нерча, Имандан-Макит, северное Забайкалье, Сибирь, сохранение историко-культурного наследия

Aleksandr V. Konstantinov,
Transbaikalia State University
 (Chita, Russia),
 e-mail: konstant1956@mail.ru

Irina A. Ponomareva,
Griffith University
 (Gold Coast, Australia),
 e-mail: irina.ponomareva@griffithuni.edu.au

A New Taiga Rock Art Site of Transbaikalia: on the Crossroads of Time and Space

The paper presents data on a new rock art site Imandan-Makit which is located in the upper reaches of the Nercha river (Zabaykalsky Krai, Tungokochensky district). The survey of the site included description, photography, GPS and preservation assessment. This site recorded by A. V. Konstantinov as well as field research recently carried out by I. A. Ponomareva in Transbaikalia allow reassessing the issue of the phenomenal Taiga rock art of northern Transbaikalia which has been culturally connected to the adjacent northern Amur oblast and southern Yakutia. Based on the analysis of the Imandan-Makit depictions, the site is attributed to the period of 4500–3500 BP, the time when the Neolithic traditions persisted in some areas of East Siberia, while in others, a transition to the Early Bronze Age was taking place. Historical and cultural contexts of the site and the connections with the closest rock art areas of the Shilka, Olyokma and Vitim river basins are discussed. Although Imandan-Makit is equidistant from known rock art areas in the valleys of the Olyokma, Shilka and Vitim rivers, the images stylistically bear more resemblance to the Olyokma rock

© Константинов А. В., Пономарева И. А., 2019

art. Notwithstanding the remoteness of Imandan-Makit, the area of north-eastern Transbaikalia, northern Amur oblast and southern Yakutia was closely connected to other areas of Siberia, Central and East Asia which is attested by some motifs present at the site. In addition, valuable observations were made by A. V. Konstantinov during the survey on the important role of the site in the contemporary Evenki culture. It is concluded that the further research on the Taiga rock art is needed to better understand the history and culture of the region.

Keywords: rock art paintings, rock art, Forest group, Taiga rock art, the Nercha river, Imandan-Makit, northern Transbaikalia, Siberia, cultural and historical heritage preservation

Введение. Первые сообщения о писаницах Забайкалья относятся к XVIII веку [21]. Однако вплоть до 1920–1930-х годов, когда были сделаны первые попытки хронологической атрибуции рисунков, знание о наскальном искусстве этого региона на юго-востоке Сибири было ограничено краткими сведениями о не более чем десятке памятников в бассейнах рек Селенги, Темника, Джиды, Хилка и Уды [7; 9–11; 13; 18; 21; 29; 30]. Самый значительный вклад в изучение древнего монументального искусства Восточной Сибири, несомненно, был сделан А. П. Окладниковым, который первым выделил стилистические и хронологические группы в наскальном искусстве Забайкалья, и предложенная им концепция в целом до сих пор актуальна [21; 22]. Однако основная часть материала для известного двухтомника была собрана в Западном Забайкалье, и только девять описанных им памятников расположены в Восточном Забайкалье.

А. П. Окладников выделил особую лесную группу писаниц, к которой он отнёс «...в общем все наскальные изображения Восточного Забайкалья» [22, с. 129]. Он также предположил, что «...с Онона и Шилки по существу начинается новый культурно-исторический мир Верхнего Приамурья» [Там же]. В этом направлении и продолжил исследования ученик А. П. Окладникова А. И. Мазин. Им были опубликованы материалы по 51 памятнику в Восточном Забайкалье и Приамурье и предложена концепция развития наскального искусства с эпохи верхнего палеолита до средневековья [15]. В его монографии был представлен особый мир яркого таёжного монументального искусства, характеризующегося красочностью и натуралистичным анимализмом.

В последние десятилетия появились сведения о новых памятниках в различных районах Забайкалья, но концепция наскального искусства, впервые предложенная А. П. Окладниковым и затем развитая А. И. Мазиным, не пересматривалась [12]. Некоторые труднодоступные районы до сих пор остаются белыми пятнами на археологической карте, и недавние открытия позволяют частично заполнить эти пятна и попы-

таться пересмотреть устоявшиеся взгляды на культурную историю региона с учётом нового материала. В данной статье впервые публикуются сведения о новом памятнике наскального искусства – Иmandan-Makit, расположенном в верховьях р. Нерчи (Забайкальский край, Тунгокоченский район). Это труднодоступный таёжный район на севере Забайкальского края (рис. 1). Видится актуальным не только представить новые материалы, но и рассмотреть их в более широком контексте лесного наскального искусства Забайкалья, с учётом материалов, собранных в ходе работ экспедиции Университета Гриффита (Австралия) под руководством И. А. Пономарёвой в 2017 году [26].

Материалы и методы исследования.

О наскальных рисунках в районе р. Иmandan-Makit, что в верховьях Нерчи (Забайкальский край, Тунгокоченский район), А. В. Константинову сообщил Александр Викторович Бузинов – руководитель Дирекции особо охраняемых территорий Забайкальского края. Он побывал в этих местах зимой 2017 года, занимаясь обоснованием создания заказника по Нерчугану (самый крупный приток Нерчи). Он сообщил о намечающейся поездке к месту обнаружения рисунков, организуемой администрацией Тунгокоченского района. А. В. Константинов принял участие в этой поездке, в составе группы, в которой были Виктория Александровна Гарпанеева – директор районного Центра эвенкийской традиционной культуры, Галина Путинцева – студентка Восточно-Сибирского института культуры, Владимир Викторович Ташлыков – глава администрации села Кыкер, охотники Николай Арунцев и Сергей Кириллов и два водителя.

Наскальные рисунки находятся в труднодоступном месте – в верховьях реки Нерчи – в более чем 200 км к северу от эвенкийского села Зелёное Озеро. До места добирались на машинах по льду реки, а последние несколько километров от порога, что у впадающей в Нерчу р. Сон, на снегоходе. Низкие берега реки были покрыты кедровым стлаником и лиственницей. На востоке за Олёкминским хребтом находятся истоки Олёкмы,

а на западе за хребтом Черского – устье Каренги, впадающей в Витим. На севере видны громады гольцов, за которыми протекает Калакан. По словам охотника-эвенка Николая Арунеева, за порогом начинаются эвенкийские священные места.

Скальная гряда с рисунками расположена на левом берегу р. Нерчи, между впа-

дающими в неё речками Имандан-Макит и Амутмия. Гряда находится примерно в 50 м от берега, вытянута вдоль реки и сложена гранитными блочными отдельностями тёмного цвета (рис. 2). Рисунки связаны с центральной частью гряды и расположены с противоположной от реки стороны, имея юго-восточную экспозицию.

Рис. 1. Писаница Имандан-Макит на карте Забайкальского края

Fig. 1. Location of the Immandan-Makit rock art site

Рис. 2. Общий вид на писаницу Имандан-Макит

Fig. 2. General view at the Immandan-Makit site

Изображения, нанесённые светло-красной охрой, встречены на пяти плоскостях и имеют юго-восточную экспозицию. Во время краткого посещения удалось осмотреть скальную гряду, определить местонахождения рисунков, сделать GPS-привязку и провести фотофиксацию. Впоследствии эти фотографии были обработаны И. А. Пономарёвой, диссертантом университета Гриффита, в программе DStretch, специально разработанной для работы с наскальными рисунками. Компьютерная обработка фотографий позво-

лила более чётко рассмотреть изображения и выявить те, что не были видны при первичном осмотре. Всё это позволило составить опись рисунков и их классифицировать.

Плоскость 1 (рис. 3, 4, 5А) расположена на ровной светлой поверхности скола мощного каменного блока, имеющего отрицательный угол наклона. Её поверхность затянута белёсыми соляными натёками. Выделено 15 рисунков. В целом они хорошо видны на светлой поверхности и заметны уже на подходе к скале.

Рис. 3. Имандан-Макит, плоскость 1: 1–7

Fig. 3. Imandan-Makit, panel 1: 1–7

Рис. 4. Имандан-Макит, плоскость 1: 8–14

Fig. 4. Imandan-Makit, panel 1: 8–14

Рис. 5. Имандан-Макит; А – плоскость 1: 15; В – плоскость 2: 16

Fig. 5. Imandan-Makit: A – panel 1: 15; B – panel 2: 16

Рисунки занимают «полотно» размерами 0,5 × 0,9 м. Наиболее выразительным является контурное изображение лося, расположенное в левой части плоскости. Хорошо просматривается массивное тело с характерным горбом, голова с большими ушами и ноги (5). Выше – два антропоморфных изображения (1, 4), клиновидная фигурка (2), вертикальная линия (?) (3). Ниже – неопределённое расплывшееся изображение (6), антропоморфное изображение с поднятыми руками (7). В правой части плоскости в центре также изображение лося (12), под ним зооморфное изображение (13). Выше лося пять изображений – возможно, антропоморфная фигура в динамичной позе с округлым предметом возле туловища, которое можно трактовать как изображение камлающего шамана (8), ряд из девяти вертикальных линий (10), антропоморфное изображение в виде черты с короткими ногами и вытянутым телом (11), нечёткое антропоморфное изображение (12) и самое верхнее – крест (15). Левее изображения лося – ряд из семи коротких вертикальных линий (9).

Плоскость 2 расположена правее плоскости 1 (рис. 5В). На ней представлено

изображение лося (16). Левее плоскости 1 расположены плоскости № 3–5.

На плоскости 3 представлена зооморфная фигура (рис. 6). Рога, менее массивное тело и отсутствие бороды указывают на то, что это изображение изюбря (17).

Плоскость 4. Каждый рисунок, отнесённый к этой плоскости, находится на отдельном гранитном блоке, но все они примыкают друг к другу, образуя два яруса (рис. 7). Среди рисунков представлены: антропоморфное изображение (18), клиновидная фигурка (19), неопределённое пятно краски (20), антропоморфное изображение в виде черты (21), два антропоморфных (?) изображения (22, 23), нечёткое изображение, возможно, лося (24) и неопределённый расплывчатый рисунок (25).

На плоскости 5 (рис. 8) представлена единственная антропоморфная фигура, у которой не показаны ноги (26).

Таким образом, нами описано 26 рисунков на пяти плоскостях. Среди них представлено десять антропоморфных фигур, семь зооморфных (шесть лосей и один изюбрь), четыре нефигуративных рисунка (группы вертикальных линий). Пять рисунков не удалось определить в силу их неудовлетворительной сохранности.

Рис. 6. Имандан-Макит, плоскость 3: 17

Fig. 6. Imandan-Makit, panel 3: 17

Рис. 7. Имандан-Макит, плоскость 4: 18–25

Fig. 7. Imandan-Makit, panel 4: 18–25

Рис. 8. Имандан-Макит, плоскость 5: 26

Fig. 8. Imandan-Makit, panel 5: 26

Результаты исследования и их об-суждение. Ранее в Тунгокоченском районе была известна только одна писаница – Бутиха, расположенная в районе одноимённого села на р. Оле (бассейн Нерчи). Она была открыта и впервые исследована преподавателем Читинского пединститута М. И. Рижским в 1959 году и получила широкую известность благодаря публикации материала в научно-популярной книге «Из глубины веков» [27]. Первая научная публикация Бутихи принадлежит А. П. Окладникову [22], который отнес её к выделенной им лесной, или «охотничьей», группе пи-

саниц Забайкалья. Однако, как следует из анализа конкретных памятников, включённых в эту группу, её существование сегодня не имеет аргументированных оснований. Во-первых, многие из этих памятников сейчас разрушены и не могут быть заново обследованы. Во-вторых, памятники, которые были заново обследованы, не демонстрируют стилистического, хронологического или географического единства. Тем не менее, идея существования особого наскального искусства в таёжной зоне Забайкалья по-прежнему актуальна. Анализ памятников приведён в таблице.

Памятники лесной, или «охотничьей», группы А. П. Окладникова: обзор и критика

Рисунок	Памятник	Комментарий
1	Ангир (Ангир-1. Мал-тай-Шулуун), Заиграев-ский р-н, Бурятия	Памятник обследован И. А. Пономарёвой в 2017 г. [26]. Полагаем, что относится к селенгинской традиции и демонстрирует влияние стиля оленных камней. Расположен в степном ландшафтном контексте
2	Судунтуй, Агинский р-н, Забайкальский край	Обследован И. А. Пономарёвой в 2017 г. [26]. Расположен в степном ландшафтном контексте. Стилистически многослойный памятник
3	Тэмээн-Шулуун, Иволгинский р-н, Бурятия	По Л. В. Лбовой и Е. А. Хамзиной, на памятнике представлена Селенгинская традиция [14]. В более поздних археологических сводах не фигурирует
4	Шара-Тала, Еравнин-ский р-н, Бурятия	Обследован И. А. Пономарёвой в 2017 г. [26] Расположен в таёжном ландшафтом контексте. В числе мотивов антропоморфные фигуры с треугольным туловищем, которые, возможно, являются индикатором того, что памятник относится к эпохе ранней бронзы
5	Тамгатуу-Хошуун, Иволгинский р-н, Бурятия	Упоминается в археологическом своде 1999 г. [14], но не фигурирует в позднейшем своде археологических памятников Бурятии [3]
6,8	Онохойская, Заиграев-ский р-н, Бурятия	Разрушен [14]
7	Наушки, Кяхтинский р-н, Бурятия	Разрушен [14]

Окончание таблицы

Рисунок	Памятник	Комментарий
9	Бутиха, Тунгокоченский р-н, Забайкальский край	Обследован И. А. Пономарёвой в 2017 г. [26]. Расположен в таёжном ландшафтом контексте. На основании раскопок А. И. Мазин отнёс памятник к концу плейстоцена – началу голоцена [15]
10	Сали, Баунтовский р-н, Бурятия	Состояние сохранности неизвестно. Писаница находится в таёжном ландшафтом контексте, в отдалённой части Забайкалья. Ветров и Миль подчеркнули сходство рисунков со степным наскальным искусством региона [5]

Огромный вклад был сделан А. И. Мазиным в изучение наскального искусства Восточного Забайкалья и Приамурья [15; 16; 24]. Опираясь на разработанную им концепцию развития наскального искусства в регионе, писаница Имандан-Макит, вероятно, относится к охотничьему стилю эпохи позднего неолита – раннего бронзового века. Впрочем, этот памятник находится несколько в стороне от ареалов исследованных А. И. Мазиным памятников Приамурья и верховий Олёкмы. Интересно, что географически писаница Имандан-Макит расположена примерно равноудалённо от известных скоплений памятников наскального искусства: к северо-западу от писаниц р. Шилки, к юго-западу от писаниц верховий р. Олёкмы и к востоку от известных на сегодняшний день писаниц бассейна р. Витима.

В 2017 году И. А. Пономаревой были осмотрены уже упомянутая Бутиха и недавно открытая писаница на Борщовочном хребте [26; 31], которые находятся в нескольких сотнях километров к югу и расположены в бассейне р. Шилки. Оба памятника, несмотря на схожий таёжный контекст, не демонстрируют стилистического единообразия. При сравнении рисунков писаницы Имандан-Макит с опубликованными прорисовками А. И. Мазина, больше сходства обнаруживается с наскальным искусством верховий Олёкмы [15; 24]. Впрочем, это предварительная оценка, так как затруднительно сравнивать цветные фотографии лично осмотренного одним из авторов памятника с чёрно-белыми, оторванными от контекста, прорисовками.

В то время, как по Олёкме известны многие памятники, им посвящена отдельная монографическая публикация [24], по наскальному искусству бассейна Витима известно очень мало. Известны рисунки в пещере Иркутской [5], причём антропоморфные фигуры, представленные там, стилистически сходны с фигурами, широко представленными в наскальном искусстве Якутии эпохи бронзы [23]. В бассейне р. Витима расположена писаница Сали, сведения о которой были опубликованы

А. П. Окладниковым [22]. Отметим, что среди рисунков представлена композиция с типичной для селенгинской традиции орнитоморфной фигурой. Ещё две писаницы известны в долине р. Муйшина, на водоразделе рек Витима и Каренги [5]. Недавно была открыта писаница на р. Зазе, правом притоке р. Витима, среди рисунков которой представлено уникальное для Забайкалья, но типичное для наскального искусства Прибайкалья и Якутии изображение лодки (устное сообщение П. Е. Марнуева).

Таким образом, писаница Имандан-Макит является уникальным памятником, находящимся в стороне от известных ареалов наскального искусства, и демонстрирует стилистическое своеобразие. Впрочем, некоторые мотивы связывают эту писаницу с довольно отдалёнными регионами. Одним из таких изображений является клиновидная фигурка на плоскости 1 (рис. 3: 2). Подобные изображения широко представлены в наскальном искусстве не только Восточной, но и Южной Сибири. Например, известна композиция на Шалаболинской писанице, относящаяся к окуневской культуре эпохи ранней бронзы [28]. На востоке подобные изображения представлены на писанице Мая в бассейне р. Алдана и петроглифах Сикачи-Аляна на Нижнем Амуре [20; 25]. Клиновидные фигурки также имеются на керамике глазковской культуры Прибайкалья [6]. Перечисленные аналогии позволяют уточнить возраст писаницы Имандан-Макит и отнести её к эпохе ранней бронзы.

Эпоха ранней бронзы Восточной Сибири является очень насыщенным и динамичным периодом древней истории, однако в Забайкалье, к сожалению, пока недостаточно исследований этого периода. Наиболее яркой и хорошо исследованной культурой этого периода в Восточной Сибири является глазковская культура Прибайкалья. Было раскопано большое количество погребальных комплексов и получена серия радиоуглеродных дат, позволивших значительно уточнить её хронологию. Таким образом, глазковская культура

Прибайкалья сейчас датируется периодом 4600–3725 л. н. [34]. Несмотря на то, что исследователями выделяются локальные группы, в целом отмечается унификация культуры во всём прибайкальском регионе.

Писаница Имандан-Макит расположена на севере Забайкальского края, таким образом, тяготея к южной границе распространения ымыяхтахской культуры позднего неолита – ранней бронзы Якутии. Хронологически она синхронна глазковской, по Ю. А. Мочанову и С. А. Федосеевой датируется 4100–3300 л. н. [17, с. 369], а по А. Н. Алексееву и В. М. Дьяконову [1] с 2900±450 по 1025±235 до н. э. Интересно, что в ымыяхтахском культурном комплексе присутствуют типичные для глазково элементы, а именно, некоторые черты погребального ритуала, погребальный инвентарь, предметы мелкой пластики, украшения и керамика. Находки комплексов с керамикой, сходной с глазковской, в бассейне р. Олёкмы позволили исследователям выделить особую улахан-сегеленяхскую культуру эпохи ранней бронзы, датированную периодом с 2175±425 по 1350±350 до н. э. [8].

К западу от р. Нерчи, в бассейне верхнего Витима, для периода 5000/4500–3500 л. н. исследователями выделена поздненеолитическая усть-юмурченская культура. По мнению В. М. Ветрова, её формирование связано с пришлыми с Южного Забайкалья племенами, что маркируется посольским типом керамики и характерным каменным инвентарём [4].

Таким образом, писаница Имандан-Макит не только не принадлежит ни к одному из известных ареалов наскального искусства, но и расположена за пределами изученных на данный момент археологических культур. Хронологически она, вероятно, относится к турбулентному периоду 4500–3500 т. л., когда во многих таёжных регионах Восточной Сибири ещё продолжают существовать неолитические традиции, но уже начинают распространяться инновации раннего бронзового века. Этот период характеризуется широкими контактами, интенсификацией межкультурного взаимодействия, которое не всегда было мирным, о чём свидетельствуют погребения «воинов» глазковского времени, обнаруженные на территории от Енисея до Алдана, и большое число погребённых, умерших неестественной смертью [2; 19, с. 248]. О широте контактов также свидетельствуют встречающиеся на огромной территории Северной Азии сходные элементы искус-

ства, как монументального, так и мелкой пластики и украшений [33].

Можно заключить, что писаница Имандан-Макит является ярким памятником, своеобразии которого обусловлено локальной изобразительной традицией, которую ещё предстоит изучить в контексте наскального искусства Олёкмы и Витима, а также той эпохой, в которой он появился.

Несмотря на то, что начало функционирования памятника Имандан-Макит, скорее всего, относится к эпохе ранней бронзы, писаница по-прежнему сохраняет свою значимость в современной культуре эвенков, и эта тема исследований считается перспективным направлением в изучении наскального искусства, поэтому в заключение обсудим те сведения и наблюдения, которые были получены А. В. Константиновым в ходе обследования писаницы Имандан-Макит.

От охотников удалось выяснить, что наскальные рисунки известны им с детства, но кому-либо рассказывать о них не спешили, следуя традиции считать их своими и задабривать духов священной скалы. Наши проводники тоже придерживались определённых правил. Так, Николай в шаманском костюме, не обращая ни на кого внимания, устроил у наскальных изображений целое шаманское действо.

О подобном отношении эвенков к скалам, на которых расположены рисунки, сообщал исследователь наскальных изображений, археолог и этнограф А. И. Мазин. Он писал, что скалы с рисунками издавна считаются у эвенков священными, и, отправляясь на охоту, эвенк должен был подойти к скале и спросить у её «хозяина», сколько зверей он убьёт. Если «хозяин» был расположен к охотнику, то на скале появлялись изображения новых животных, сколько охотник должен был поразить, поэтому каждый охотник был обязан приносить в этих местах жертвы. Если вдруг у скалы появятся плохие люди, они здесь погибнут, тогда и «хозяин» покинет её, лишив охотников удачи [15, с. 129]. Всё это объясняет поведение современных охотников, чьи охотничьи участки находятся в районе исследуемой нами скальной гряды, которая для них, следуя традиции, является священной, а также интерес к рисункам руководителей районной администрации и центра эвенкийской традиционной культуры.

Подробно роль памятников наскального искусства в ритуальной практике эвенков

рассмотрена в работе этнографа Д. Брандисаускаса [32]. Им показана живучесть представлений эвенков об одухотворенности окружающего мира и важности постоянного взаимодействия с ним посредством ритуальной практики, в которой памятники наскального искусства выступают местами силы и важными проводниками взаимодействия людей и духов. В анимистических представлениях эвенков нет различия между природными и культурными значениями, как нет различия между людьми и не-людьми. В таком контексте наскальное искусство выступает как дух-покровитель, который действует самостоятельно. Памятники наскального искусства не только являются манифестациями религиозных и мифологических представлений эвенков, но и непосредственно связывают человека с его мифическим прошлым, с его предками, которые также жили и кочевали на этой земле [Там же].

Таким образом, памятники наскального искусства не только пассивно повествуют о древнем прошлом, но и играют большую роль в современном обществе, связывая поколения, конструируя идентичности и непосредственно влияя на процветание и психоэмоциональное благополучие коренных народов Сибири.

Заключение. Таким образом, в статье были представлены новые материалы по наскальному искусству севера Забайкальского края, рассмотрен историко-культурный контекст писаницы Имандан-Макит и его роль в современной культуре эвенков.

Начало функционирования писаницы может быть связано с периодом 4500–3500 л. н., временем, когда в одних районах Восточной Сибири ещё были живы поздненеолитические традиции, в то время как в других происходил переход к раннему бронзовому веку. Писаница расположена в таёжном районе, малоизученном в археологическом отношении в силу удалённости и труднодоступности. Памятник Имандан-Макит расположен равноудалённо от известных скоплений памятников наскального искусства бассейнов р. Олёкмы, Шилки и Витима, при этом в отношении стилистики изображений обнаруживается большее сходство именно с писаницами Олёкмы. Впрочем, это предварительная оценка, и необходимы дальнейшие полевые исследования наскального искусства

лесной зоны Юго-Восточной и Восточной Сибири для понимания древних историко-культурных и социальных процессов, так как очевидно, что в древности регион северо-востока Забайкалья, севера Амурской области и юга Якутии был тесно связан контактами с остальными регионами Сибири, Центральной и Восточной Азии, о чём свидетельствуют сюжеты и образы, представленные на писанице Имандан-Макит.

За рамками этой статьи осталось подробное рассмотрение возможного изображения шамана на плоскости 1 (рис. 4: 8). В Забайкалье известны и другие изображения, которые возможно интерпретировать как фигуры шаманов, например на Шаман-Горе [12]. Также И. А. Пономаревой были обнаружены подобные изображения на других писаницах края, которые пока не были опубликованы. Возможно, в будущем авторы подготовят статью, специально посвящённую этой теме.

К сожалению, осмотр памятника наскального искусства был крайне ограничен по времени. Вполне возможно, что некоторые рисунки и даже плоскости с изображениями остались незамеченными. В то же время, возможно, компьютерная обработка фотографий показала в качестве рисунков различные натёки и окислы. Вполне вероятно наличие жертвенника у подножия скалы, который мог быть занесён снегом. Для его обнаружения необходимо исследовать памятник в тёплое время года. С учётом важной роли писаницы в современной культуре эвенков для дальнейших археологических работ необходимо учитывать вопросы этики в отношении подобного вмешательства и проводить работы только с согласия людей, почитающих это место.

Следует отметить, что Имандан-Макит – это первый памятник наскального искусства в долине Нерчи при протяжённости реки в 500 км. Наскальные рисунки здесь отличаются хорошей сохранностью и разнообразием сюжетов. Действительно, они придают этим местам священный ореол и напоминают нам о необходимости бережного отношения к природе и памятникам историко-культурного наследия. Хотелось бы верить, что удалённость расположения рисунков и святость этих мест позволит уберечь их от плохих людей и актов вандализма.

Список литературы

1. Алексеев А. Н., Дьяконов В. М. Радиоуглеродная хронология культур неолита и бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. Т. 39, № 3. С. 26–40.
2. Алексеев А. Н., Жирков Э. К., Степанов А. Д., Шараборин А. К., Алексеева Л. Л. Погребение ымыяхтахского воина в местности Кёрдюген // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. Т. 26, № 2. С. 45–52.
3. Базаров Б. А., Намсараев Д. В. Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия. Т. 2. Памятники археологии. Улан-Удэ: НоваПринт, 2011. 392 с.
4. Ветров В. М. Археология Витимского плоскогорья: усть-юмурченская культура (5–4,6–3,5 тыс. л. н.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. (г. Иркутск, 3–7 мая, 2011 г.) / под общ. ред. А. В. Харинского. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. С. 34–42.
5. Ветров В. М., Миль Н. М. Перспективы изучения петроглифов Витима // Молодая археология и этнология Сибири. Чита: ЗабГГПУ, 1999. С. 90–91.
6. Горюнова О. И., Новиков А. Г. Антропоморфная, зооморфная и солярная символика на сосудах бронзового века Прибайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. Т. 40, № 4. С. 76–82.
7. Давыдов Д. П. О древних памятниках и могильных остатках аборигенов Забайкальской области Верхнеудинского округа // Записки Сибирского отдела ИРГО. 1856. Т. 2. С. 89–100.
8. Дьяконов В. М. Керамика Улахан-Сегеленняхской культуры бронзового века Якутии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. Т. 52, № 4. С. 106–115.
9. Ербанов М. Н., Цыбиков Г. Ц., Попов В. В. Отчёт о деятельности Бурят-Монгольского научного общества имени Доржи Банзарова с 1-го октября 1925 года по 1-е октября 1926 года // Бурятведение. 1927. № 3–4. С. 91–103.
10. Кастрен М. А. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 352 с.
11. Кириллов Н. В. Несколько указаний на археологические остатки в Верхнеудинском округе (с таблицей рисунков) // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. 1897. Т. 28, № 3–4. С. 136–144.
12. Константинов М. В., Константинов А. В., Васильев С. Г., Екимов Л. В., Разгильдеева И. И. Шаман-Гора // Под покровительством Большого Шамана: археологическое путешествие по Забайкалью / И. И. Разгильдеева. Чита: Экспресс-изд-во, 2003. С. 4–8.
13. Кузнецов А. К. Развалины Кондуйского городка и его окрестности. Владивосток: Книжное Дело, 1925. 64 с.
14. Лбова Л. В., Хамзина Е. А. Древности Бурятии: карта археологических памятников. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 220 с.
15. Мазин А. И. Таёжные писаницы Приамурья. Новосибирск: Наука, 1986. 260 с.
16. Мазин А. И. Древние святилища Приамурья. Новосибирск: Наука, 1994. 241 с.
17. Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Очерки дописменной истории Якутии. Эпоха камня: в 2 т. Т. 1. Якутск: Центр арктической археологии и палеоэкологии человека АН РС(Я), 2013. 504 с.
18. Окладников А. П. Предварительное сообщение о разведках в окрестностях села Кабанска // Бурятведческий сборник. 1927. № 3–4. С. 102–105.
19. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Т. 43. Материалы и исследования по археологии. М.; Л.: АН СССР, 1955. 375 с.
20. Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 333 с.
21. Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1969. Ч. 1. 220 с.
22. Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1970. Ч. 2. 264 с.
23. Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Средней Лены. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1972. 272 с.
24. Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск: Наука, 1976. 192 с.
25. Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы бассейна реки Алдан. Новосибирск: Наука, 1979. 152 с.
26. Пономарева И. А. Исследование памятников наскального искусства в Забайкальском крае в 2017 году // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 82–93. DOI:10.21209/1996-7853-2018-13-6-82-93.
27. Рижский М. И. Из глубины веков: Рассказы археолога о древнем Забайкалье. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1965. 172 с.
28. Савинов Д. Г. К вопросу о формировании окуневской изобразительной традиции // Окуневский сборник. Культура, искусство, антропология. СПб.: Элексис Принт, 1997. С. 202–212.
29. Цыбиктаров В. А. Петроглифы Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. 276 с.
30. Ченкиров И. В., Попов В. В. Отчёт о деятельности Бурят-Монгольского научного общества имени Доржи Банзарова с 1-го октября 1926 года по 1-е октября 1928 года // Бурятведение. 1928. Т. 4, № 8. С. 107–161.

31. Юринская М. С. Петроглифы с Борщовочного хребта // Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей: материалы LVI РАЭСК студ. и молодых учёных / отв. ред. А. В. Константинов, И. И. Разгильдеева. Чита: ЗабГУ, 2016. С. 238–239.
32. Brandisauskas D. Rock art animism in Siberian taiga: contemporary rituality and materiality of Evenki hunters and reindeer herders // Rock Art Research: The Journal of the Australian Rock Art Research Association (AURA). 2020 (в печати).
33. Shepard B. A., Goriunova O. I., Novikov A. G., Tiutrin A. A., Weber A. W. Macro-regional interconnections among ancient hunter-gatherers of the Cis-Baikal, Eastern Siberia (Russia) // Quaternary International. 2016. Vol. 10, T. 419. Pp. 140–158. DOI: 10.1016/j.quaint.2015.11.075.
34. Weber A. W., Schulting R. J., Bronk Ramsey C., Bazaliiskii V. I., Goriunova O. I., Berdnikova N. E. Chronology of middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect // Quaternary International. 2016. Vol. 10, T. 419. Pp. 74–98. DOI: 10.1016/j.quaint.2015.12.003.

Статья поступила в редакцию 08.09.2019; принята к публикации 15.10.2019

Сведения об авторах

Александр Васильевич Константинов, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30; e-mail: konstant1956@mail.ru.

Пономарева Ирина Александровна, докторант, Университет Гриффита, Австралия; 4214, Австралия, Квинсленд, г. Голд Кост, Муди Корт, 4; e-mail: irina.ponomareva@griffithuni.edu.au; ORCID: 0000-0002-4058-6654.

Вклад авторов в статью

А. В. Константинов – основной автор, проводил полевые исследования памятника Имандан-Макит, осуществлял анализ, систематизацию и оформление статьи.

И. А. Пономарева осуществляла анализ, систематизацию и оформление статьи.

Библиографическое описание статьи

Константинов М. В., Пономарева И. А. Новая таёжная писаница Забайкалья: на перекрёстках времени и пространства // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14, № 6. С. 15–27. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-6-15-27.

References

1. Alekseyev, A. N., Dyakonov V. M. Radiocarbon chronology of Neolithic and Bronze Age cultures in Yakutia. Archaeology, Ethnology & Anthropology, pp. 26–40, no. 3, 2009. (In Rus.)
2. Alekseyev, A. N., Zhirkov, E. K., Stepanov, A. D., Sharaborin, A. K., Alekseyeva, L. L. Burial of an Ymyiakhtakh Warrior in Kyordyughen, Yakutia. Archaeology, Ethnology & Anthropology, pp. 45–52, no. 2, 2006. (In Rus.)
3. Bazarov, B. A., Namsaraev, D. V. Archaeological sites (Inventory of the culture heritage sites, vol. 2). Ulan-Ude: NovaPrint, 2011. (In Rus.)
4. Vetrov, V. M. The archaeology of the Vitim plateau: the Ust'-Yumurchen culture (5000–4500 – 3500 bp). Ancient cultures of Mongolia and Baikalian Siberia: Book of scientific papers. Irkutsk: Irkutsk State Technical University Press, 2011: 34–42. (In Rus.)
5. Vetrov, V. M., Mil', N. M. Perspectives of studying petroglyphs of Vitim. Molodaya arkheologiya i etnologiya Sibiri. Chita: ZabGGPU, 1999: 90–91. (In Rus.)
6. Goriunova, O. I., Novikov, A. G. Anthropomorphic, Zoomorphic and Solar Symbols on Bronze Age Ceramics from the Western Baikal Region. Archaeology, Ethnology & Anthropology, pp. 76–82, no. 4, 2009. (In Rus.)
7. Davydov, D. P. About ancient sites and burial remains of aboriginal inhabitants of Transbaikalia, Verkhneudinsky district. Notes of the Siberian Department of the IRGO, pp. 89–100, t. 2, 1856. (In Rus.)
8. Dyakonov, V. M. Ceramics of the Ulakhan-Segelennyakh Culture, Early Bronze Age, Yakutia. Archaeology, Ethnology & Anthropology, pp. 106–115, no. 4, 2012. (In Rus.)
9. Erbanov, M. N., Tsybikov, G. T., Popov, V. V. Report of the Dorzh Banzarov Buryat-Mongol scientific society in 1/10/1925–1/10/1926. Buryatovedenie, pp. 91–103, no. 3–4, 1927. (In Rus.)
10. Castrén, M. A. Works in two volumes: Vol. 2. The journey to Siberia (1845–1849). Tyumen: Izdatel'stvo Yu. Mandriki, 1999. (In Rus.)
11. Kirillov, N. V. Some information about archaeological remains in the Verkhneudinsky area (with a table of drawings). Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela IRGO. 1897. V. XXVIII, no. 3–4. pp. 136–144. (In Rus.)
12. Konstantinov, M. V., Konstantinov, A. V., Vasil'ev, S. G., Yekimova, L. V., Razgil'deeva, I. I. Shaman Mountain. Under the patronage of The Great Shaman: an archaeological journey through Transbaikalia. Chita: Izd-vo "Ekspress-tipografiya", 2003: 4–8. (In Rus.)

13. Kuznetsov, A. K. Vesiges of the Konduy town and its surroundings. Vladivostok: Dal'nevostochnoe Sib. Akts. O-vo "Knizhnoe Delo", 1925. (In Rus.)
14. Lbova, L. V., Khamzina, E. A. Antiquities of Buryatia: map of archaeological sites. Ulan-Ude: Izd-vo BNTS SO RAN, 1999. (In Rus.)
15. Mazin, A. I. The Taiga rock art sites of the Amur region Novosibirsk: Nauka, 1986. (In Rus.)
16. Mazin, A. I. Ancient sanctuaries of the Amur region. Novosibirsk: Nauka, 1994. (In Rus.)
17. Mochanov, Y. A., Fedoseeva, S. A. Essays on Preliterate History of Yakutia. Stone Age. Yakutsk: Center of Arctic Archaeology and Human Paleoecology, 2013. V. 1. (In Rus.)
18. Okladnikov, A. P. A preliminary report about the exploration in the surroundings of the village Kabansk. Buryatovedcheskiy sbornik. pp.102–105, no. 3–4, 1927. (In Rus.)
19. Okladnikov, A. P. The Neolithic and Bronze age of the Baikal region. Part III (the Glazkovo period). Moscow-Leningrad: AN SSSR, 1955. T. 43. (In Rus.)
20. Okladnikov, A. P. Petroglyphs of the Lower Amur. Leningrad: Nauka, 1971. (In Rus.)
21. Okladnikov, A. P., Zaporozhskaya V. D. Petroglyphs of Trans-Baikal. Part I. Leningrad: Nauka, Leningradskoye otdeleniye, 1969. (In Rus.)
22. Okladnikov, A. P., Zaporozhskaya, V. D. Petroglyphs of Trans-Baikal. Part II. Leningrad: Nauka, Leningradskoye otdeleniye, 1970. (In Rus.)
23. Okladnikov, A. P., Zaporozhskaya, V. D. Petroglyphs of the Middle Lena River. Leningrad: Nauka, Leningradskoye otdeleniye, 1972. (In Rus.)
24. Okladnikov, A. P., Mazin, A. I. Rock art sites of the Olyokma River and the Upper Amur region. Novosibirsk: Nauka, 1976. (In Rus.)
25. Okladnikov, A. P., Mazin, A. I. Rock art sites of the Aldan River Basin. Novosibirsk: Nauka, 1979. (In Rus.)
26. Ponomareva, I. A. Rock Art Survey in Trans-Baikal Territory in June 2017. Humanitarian Vector, pp. 82–96, no. 6, 2018. DOI:10.21209/1996-7853-2018-13-6-82-96. (In Rus.)
27. Rizhskiy, M. I. From the depth of history. An archaeologist's stories about ancient Transbaikalia. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoye knizhnoye izd-vo, 1965. (In Rus.)
28. Savinov, D. G. On the problem of formation of Okunev art tradition. Okunevsky sbornik. Kul'tura, iskusstvo, antropologiya. Saint-Petersburg: Eleksis Print, 1997: 202–212. (In Rus.)
29. Tsybiktarov, V. A. Petroglyphs of Transbaikalia. Ulan-Ude: BGU, 2011. (In Rus.)
30. Chenkirov, I. V., Popov, V. V. Report of the Dorzh Banzarov Buryat-Mongol scientific society in 1/10/1926–1/10/1928. Buryatovedenie, pp. 107–161, no. 8, 1928. (In Rus.)
31. Yurinskaya, M. S. New petroglyphs from Borschov range. Siberian archaeology and Ethnography: the contribution of young researchers. Proceedings of the LVI Russian archaeological and ethnographic conference of students and young scientists (RAESK–LVI). Chita: Zabgu, 2016: 238–239. (In Rus.)
32. Brandisauskas, D. Rock art animism in Siberian taiga: contemporary rituality and materiality of Evenki hunters and reindeer herders. Rock Art Research: The Journal of the Australian Rock Art Research Association (AURA). In Press. (In Rus.)
33. Shepard, B. A., Goriunova, O. I., Novikov A. G., Tiutrin, A. A., Weber A. W. Macro-regional interconnections among ancient hunter-gatherers of the Cis-Baikal, Eastern Siberia (Russia). Quaternary International, pp. 140–158, t. 419, 10/17/, 2016. DOI: 10.1016/j.quaint.2015.11.075. (In Engl.)
34. Weber, A. W., Schulting, R. J., Bronk Ramsey, C., Bazaliiskii, V. I., Goriunova, O. I., Berdnikova, N. E. Chronology of middle Holocene hunter-gatherers in the Cis-Baikal region of Siberia: Corrections based on examination of the freshwater reservoir effect. Quaternary International, pp. 74–98, t. 419, 10/17/, 2016. DOI: 10.1016/j.quaint.2015.12.003. (In Engl.)

Received: 8 September 2019; accepted for publication October 15, 2019

Information about author

Konstantinov Aleksandr V., Doctor of History, Professor, Transbaikalia State University (30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia); e-mail: konstant1956@mail.ru.

Ponomareva Irina A., PhD Candidate, Griffith University, Australia (4 Moody Court, Parkwood, Gold Coast, Queensland, 4214, Australia); e-mail: irina.ponomareva@griffithuni.edu.au; ORCID: 0000-0002-4058-6654.

Contribution of authors to the article

A. V. Konstantinov – the main author, surveyed and recorded the Imandan-Makit site, prepared the section Materials and partially the sections Discussion and Conclusion.

I. A. Ponomareva prepared the sections Introduction, Discussion and partially Conclusion.

Reference to the article

Konstantinov A. V., Ponomareva I. A. A New Taiga Rock Art Site of Transbaikalia: on the Crossroads of Time and Space // Humanitarian Vector. 2019. Vol. 14, No. 6. PP. 15–27. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-6-15-27.